

ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕДИАТОР СВЯЗИ ДЕМОНСТРАТИВНОСТИ И АГРЕССИИ В БУЛЛИНГЕ

© 2026 И.А. Сухарев

кандидат психологических наук, Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, доцент кафедры возрастной и клинической психологии,
г. Нижний Новгород, Россия
E-mail: sukharevivanpsy@gmail.com
ORCID:0000-0003-2991-7149

Поступила в редакцию: 22.06.2026

Принята к публикации: 05.07.2026

Аннотация. Статья посвящена исследованию, направленному на выявление и анализ психологических личностных свойств, опосредующих связь между индивидуально-типологическими чертами и агрессивным поведением обидчиков, включенных в буллинг-структуры. Гипотезой исследования выступило предположение о существовании специфических личностных медиаторов, опосредующих связь между индивидуально-типологическими предикторами и агрессией в буллинге. В исследовании приняли участие 138 подростков (учащиеся 5–9 классов), идентифицированных как обидчики (булли) на основе иерархического кластерного анализа. Статистическая обработка выполнялась в среде *jamovi* 2.7.18. Для проверки медиационной гипотезы применялся метод бустрапирования доверительных интервалов для косвенного эффекта (5000 повторных выборок) в рамках модели простой медиации. Установлено, что демонстративность отрицательно связана с подозрительностью ($\beta = -0,79$; $p < 0,001$), тогда как подозрительность положительно предсказывает агрессию ($\beta = 0,83$; $p < 0,001$). Косвенный эффект демонстративности на агрессию через подозрительность оказался отрицательным и статистически значимым ($\beta = -0,66$; $p < 0,001$; 95% CI $[-0,89; -0,43]$). Прямой эффект демонстративности на агрессию после включения в модель подозрительности стал незначимым ($\beta = 0,05$; $p = 0,525$). Таким образом, демонстративность может рассматриваться как личностный ресурс, ослабляющий враждебную атрибуцию и базовое недоверие к миру. Полученные результаты углубляют понимание структурно-динамической организации личностных детерминант буллинга и могут быть использованы при разработке программ психопрофилактики, ориентированных на коррекцию подозрительности как мишени вмешательства.

Ключевые слова: буллинг, анализ медиации, враждебная атрибуция, личностные черты, демонстративность.

Введение

Буллинг остается одной из наиболее острых социальных проблем, привлекая внимание исследователей различных научных направлений: от педагогики и возрастной психологии до клинической психологии и психогенетики [2; 19; 12]. В оптике многочисленных исследований оказываются причины и последствия травли, факторы виктимизации, а также индивидуально-личностные особенности участников буллинг-структуры [3; 5; 13].

В классической работе Д. Ольвеуса, заложившей основы современного понимания буллинга, подчеркивается, что агрессивное поведение в ситуации травли детерминировано сложным взаимодействием средовых и личностных факторов [18; 19]. Исследования последних лет убедительно демонстрируют, что именно личностные диспозиции выступают значимыми предикторами как виктимизации, так и агрессивного поведения подростков [7; 13; 15].

Особое место в изучении личностных детерминант агрессивного поведения занимает типология акцентуаций характера К. Леонгарда, которая позволяет дифференцированно подходить к анализу индивидуально-типологических особенностей [8; 10]. Согласно Леонгарду, демонстративный тип характеризуется выраженной способностью к вытеснению, жаждой признания, эгоцентризмом и артистизмом; застревающий тип характеризуется ригидностью аффекта, подозрительностью и мстительностью; педантичный тип — инертностью, добросовестностью и склонностью к сомнениям; возбудимый тип — импульсивностью и недостаточным контролем влечений; гипертимный тип — повышенным настроением и активностью; дистимный тип — сниженным настроением и пессимизмом [8; 9]. В исследованиях последних лет эти типологические черты рассматриваются в контексте различных форм поведения: от интонационных параметров речи до особенностей совладания с конфликтами [6].

Современные исследования, выполненные в парадигме личностных черт (Big Five, Dark Triad), подтверждают значимость индивидуально-типологических характеристик для понимания механизмов агрессии. В работе S. Basharpour с коллегами показано, что макиавеллизм и психопатия (прокси застревания и возбудимости) оказывают опосредованное влияние на киберагрессию через дефицит эмоциональной эмпатии [15]. В свою очередь, исследование А.В. Третьяковой и Р.И. Айзмана выявило, что активное участие в буллинге сопровождается психоэмоциональными сдвигами: у инициаторов и помощников травли обнаруживаются повышенные уровни тревожности и агрессивности [13]. Однако авторы подчеркивают, что вопрос о направленности связей (являются ли личностные особенности предикторами включенности в буллинг или же сама травля модифицирует личностные черты) остается открытым.

Особый интерес представляют исследования, посвященные анализу медиаторных механизмов, опосредующих связь между личностными диспозициями и агрессивным поведением. Зарубежные исследования последних лет активно используют дизайн медиации для изучения роли эмпатии [15], когнитивных стилей [20] и психологического дистресса [14] в контексте формулы «личность > поведение». Так, в работе А. Adewoye исследуется медиаторная роль интроверсии-экстраверсии во взаимосвязи между виктимизацией и психологическим дистрессом у подростков Южной Африки, и было показано, что экстраверты испытывают менее выраженные симптомы дистресса по сравнению с интровертами [14].

В отечественной психологии подобные медиационные модели пока представлены фрагментарно. Исследователи чаще ограничиваются корреляционным и регрессионным анализом, констатируя наличие связей, но не раскрывая их внутреннюю структуру [1; 4; 11]. В то же время данные, полученные при построении множественных регрессионных моделей, нередко демонстрируют эффекты, требующие более тонкого анализа. В частности, при

добавлении в модель большого числа предикторов наблюдается смена знаков коэффициентов и изменение значимости отдельных переменных, что может свидетельствовать о наличии супрессии, медиации или модерации [16; 17]. Однако в психологических исследованиях, посвященных буллингу, такие эффекты редко становятся предметом специального анализа, хотя их интерпретация способна существенно углубить понимание механизмов агрессивного поведения, что и предопределило наш интерес к данной проблеме.

Таким образом, гипотезой нашего исследования выступило предположение о существовании специфических личностных медиаторов, опосредующих связь между индивидуально-типологическими предикторами и агрессией в буллинге.

Метод

Выборку составили учащиеся 5-8 классов, участвующие в буллинге, в возрасте от 10 до 15 лет. Исследование проходило на базе МБОУ СОШ № 1, МБОУ СОШ № 40, МАОУ «Гимназия № 73», МАОУ «Гимназия № 3» г. Владимира.

Общая выборка исследования составила $N=935$. Эмпирическое исследование проведено на выборке булли ($N=138$; $M=12,2$; $SD=1,5$), полученной в ходе применения иерархического кластерного анализа (корреляция Пирсона, переменные «агрессия» и «виктимизация») [7].

Исследовательская работа проводилась с помощью психодиагностического инструментария:

- Опросник роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга Олвеуса (адаптация Е. В. Бушиной, А. М. Муминовой).

Методика состоит из 2 шкал: виктимизации и агрессии, каждая из которых включает по 8 утверждений относительно опыта переживания или проявления прямой и косвенной агрессии. Опросник состоит из вопросов, касающихся школьной жизни. Учащихся просят выбрать варианты ответа,

которые лучше всего описывает их чувства по отношению к школе. Можно выбрать только один вариант ответа.

- Опросник Шмишека (детский вариант).

Методика состоит из 88 вопросов и определяет 10 типов акцентуации личности: гипертимность, дистимность, циклотимность, возбудимость, застревание, эмотивность, экзальтированность, тревожность, педантичность, демонстративность. Опросник состоит из утверждений, касающихся поведения и характера респондента, и предлагает два варианта ответа: «да» (согласие с утверждением) или «нет» (несогласие).

- Опросник враждебности Басса-Дарки (вар. Ениколопова).

Опросник состоит из 75 утверждений, каждое из которых относится к одной из восьми форм агрессивных или враждебных реакций: физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, негативизм, обида, подозрительность, вербальная агрессия, чувство вины. Опросник состоит из утверждений, касающихся враждебности и агрессивности респондента, и предлагает два варианта ответа: «да» (согласие с утверждением) или «нет» (несогласие).

Используемые методы статистического анализа: коэффициент корреляции Спирмена, множественная линейная регрессия, медиационный анализ (метод бустрапирования доверительных интервалов для косвенного эффекта).

Обработка данных проводилась в статистическом пакете Jamovi 2.7.18

Результаты

При включении десяти переменных, отражающих индивидуально-типологические свойства личности, в модель, предсказывающую агрессию в буллинг-структуре, мы получили следующие результаты: $R^2=0,40$; значимые переменные: застревание, возбудимость, дистимность, экзальтированность, эмотивность, циклотимность.

На выборке, включающей только булли, значимыми оказались следующие предикторы: педантичность, гипертимность, эмотивность, циклотимность ($R^2=0,61$). Таким образом, можно предположить, что предикторами, обуславливающими агрессию как таковую, выступают низкая эмотивность и низкая циклотимность, в то время как по остальным индивидуально-типологическим характеристикам прослеживается четкая специфика: вероятно, агрессия жертв во многом ингибируется педантичностью, в то время как у булли их собственная педантичность выступает основным катализатором агрессии. Это позволяет предположить наличие нелинейных взаимовлияний педантичности, агрессивности в буллинге и прочих личностных качеств участников буллинг-структуры.

Таблица 1. Индивидуально-типологические предикторы агрессии булли

	БЕТА	Ст.Ош.	В	Ст.Ош.	t(127)	p-знач.
Св.член			32,681	5,664	5,769	0,000
Демонстративность	-0,087	0,097	-0,200	0,222	-0,904	0,368
Застревание	0,120	0,085	0,298	0,213	1,400	0,164
Педантичность	0,202	0,085	0,477	0,202	2,365	0,020
Возбудимость	0,082	0,077	0,195	0,182	1,076	0,284
Гипертимность	-0,169	0,063	-0,364	0,136	-2,672	0,009
Дистимность	-0,149	0,079	-0,356	0,190	-1,875	0,063
Тревожность	0,086	0,080	0,197	0,185	1,066	0,288
Экзальтированность	0,026	0,061	0,053	0,125	0,424	0,672
Эмотивность	-0,317	0,091	-0,623	0,178	-3,493	0,001
Циклотимность	-0,364	0,087	-0,729	0,175	-4,175	0,000

Отметим, что целью данной модели является не точное предсказание агрессии, а создание материала для компаративного анализа вклада индивидуально-типологических характеристик в предсказание агрессии. С этой целью в модель добавляются все переменные, вне зависимости от степени объяснения дисперсии или значимости отдельных предикторов. Дальнейшая аналитическая работа осуществлялась исключительно на выборке обидчиков.

Наиболее сильные и статистически значимые взаимосвязи наблюдаются между демонстративностью и враждебностью и подозрительностью ($r_s=-0,79$; $r_s=0,79$). Во избежание эффекта множественных сравнений мы приняли

решение остановиться на дизайне, проверяющим влияние демонстративности и выделенных двух эмоциональных свойств на агрессию.

Без учета прочих личностных факторов демонстративность значимо отрицательно влияет на агрессию в буллинге. Впрочем, следует отметить низкий уровень объясняемой ею дисперсии агрессии: $R^2=0,364$. Включение в модель переменной «враждебность» общую картину не поменяло.

Таблица 2. Демонстративность как предиктор агрессии булли

	БЕТА	Ст.Ош	В	Ст.Ош.	t(136)	p-знач.
Св.член			35,948	1,747	20,576	0,000
Демонстративность	-0,603	0,068	-1,384	0,157	-8,824	0,000

При включении в предиктивную модель подозрительности демонстративность начинает вести себя иначе, положительно обуславливая агрессию булли ($R^2=0,62$), что говорит в пользу наличия эффекта медиации или супрессии.

Таблица 3. Демонстративность и подозрительность как предиктор агрессии булли

	БЕТА	Ст.Ош.	В	Ст.Ош.	t(135)	p-знач.
Св.член			12,785	2,770	4,616	0,000
Демонстративность	0,054	0,087	0,125	0,199	0,628	0,531
Подозрительность	0,831	0,087	0,457	0,048	9,583	0,000

С целью проверки показателей подозрительности на супрессию демонстративности мы воспользовались корреляционным анализом, показавшим наличие статистически значимой положительной взаимосвязи подозрительности и агрессии булли ($r_s=0,78$), что свидетельствует об отсутствии подавления демонстративности показателями подозрительности и говорит в пользу наличия непоследовательной медиации или модерации (других непрямых эффектов).

С целью выявления эффекта взаимодействия предикторов в модель было добавлено произведение центрированных показателей демонстративности и подозрительности. Полученная модель демонстрирует незначимость коэффициента новой введенной переменной ($B = 0,008$; $t = 0,85$; $p = 0,396$), что дало нам основание отвергнуть гипотезу о модерации.

С целью выявления эффекта медиации мы построили стандартную GLM модель медиации. Полученная модель свидетельствует о наличии эффекта медиации. Демонстративность снижает подозрительность, подозрительность повышает агрессию. Таким образом, косвенный эффект отрицательный: более высокая демонстративность > более низкая подозрительность > более низкая агрессия. При контроле подозрительности демонстративность немного повышает агрессию, но через подозрительность она снижает агрессию сильнее, и общий эффект отрицательный.

Таблица 4. Результаты медиационного анализа

Непрямой и общий эффекты (пути)						
Тип	Путь	Оценка	SE	β	z	p
Косвенный	Демонстративность $\Rightarrow$ Подозрительность $\Rightarrow$ Агрессия	-1,509	0,1846	-0,6578	-8,175	<,001
Компонент а	Демонстративность $\Rightarrow$ Подозрительность	-3,298	0,2165	-0,7918	-15,231	<,001
	Подозрительность $\Rightarrow$ Агрессия	0,457	0,0472	0,8308	9,689	<,001
Прямой	Демонстративность $\Rightarrow$ Агрессия	0,125	0,1967	0,0544	0,635	,525
Общий	Демонстративность $\Rightarrow$ Агрессия	-1,384	0,1563	-0,6034	-8,857	<,001
Примечание. β — стандартизованный коэффициент (полностью стандартизованное решение). Доверительные интервалы (ДИ) рассчитаны методом бустрап (5000 выборок).						

Следует отметить, что выявленные в исследовании закономерности ограничены кросс-секционным дизайном и требуют дополнительной лонгитюдной проверки.

Обсуждение

Медиационный анализ показал, что подозрительность полностью опосредует связь демонстративности с агрессией. Демонстративность

(потребность во внимании, яркость, театральность) отрицательно влияет на подозрительность ($\beta = -0,79$; $p < 0,001$), а подозрительность (недоверие к миру, ожидание подвоха, враждебная атрибуция) положительно влияет на агрессию ($\beta = 0,83$; $p < 0,001$). Косвенный эффект оказался отрицательным и значимым ($\beta = -0,66$; $p < 0,001$), тогда как прямой эффект демонстративности на агрессию после включения медиатора стал незначимым ($\beta = 0,05$; $p = 0,525$). Это свидетельствует о полной медиации: демонстративность снижает агрессию через снижение подозрительности.

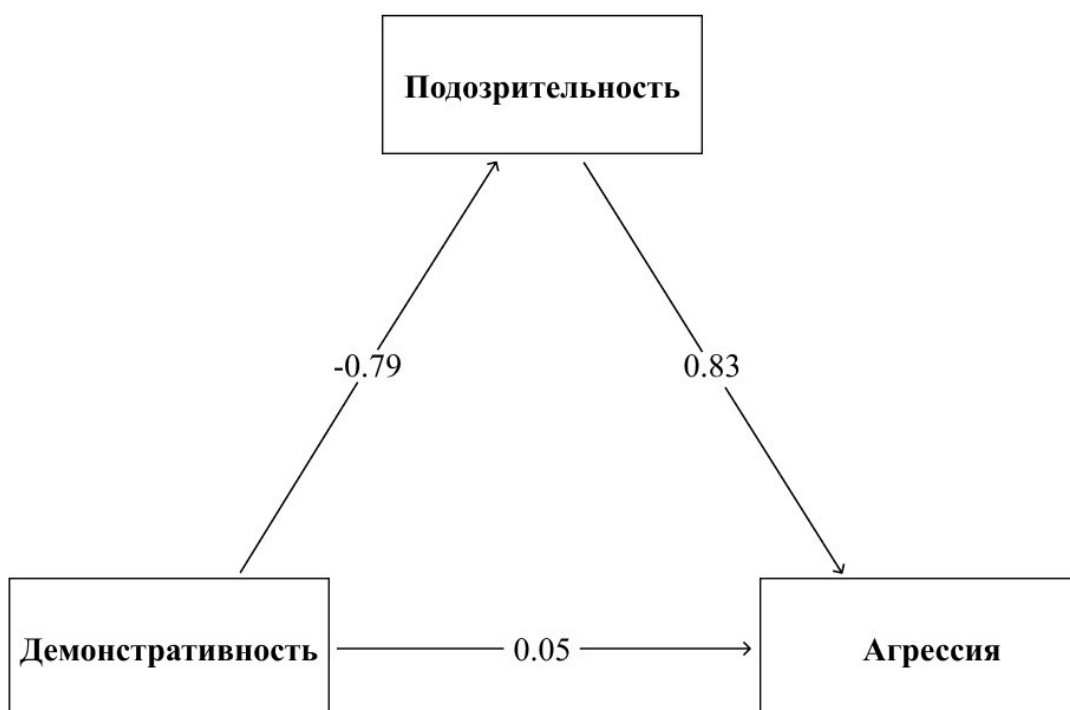

Рис. 1. Опосредованное влияние подозрительности и демонстративности на агрессию обидчиков в буллинге

Первый вывод, который мы можем сделать в ходе интерпретации полученной модели: участник буллинг-структуры, стремящийся быть в центре внимания, становится склонным доверять миру. Мы связываем это с тем, что демонстративная личность во многом ориентирована на зрителя. Ее энергия направлена вовне, на самопрезентацию, на то, чтобы произвести впечатление. Мир для нее предстает в качестве сцены, а окружающие люди - зрители. При

такой установке «сканировать» окружение на предмет угрозы просто нет ресурса или необходимости. Мир воспринимается не как источник опасности, а как источник «обратной связи» и восхищения.

Кроме того, демонстративные личности часто верят в ту роль, которую играют. Они искренне ожидают от мира позитивного отклика, аплодисментов. Эта установка («я нравлюсь, я интересен») является антагонистом подозрительности («меня хотят обмануть/унизить»). Демонстративность выступает в качестве протектора: «Если я буду ярким и открытым, меня нельзя будет не полюбить, и тогда не нужно будет бояться».

Следует отметить, что подозрительность требует постоянной рефлексии, анализа чужих слов и поступков, поиска скрытых смыслов. Демонстративность, напротив, более поверхностна и импульсивна. Демонстративные люди не склонны копаться в мотивах других, так как это отвлекает от главной задачи - демонстрации себя. Можно сказать, что демонстративность выполняет функцию своеобразного «социального анестетика»: она снижает базовую тревогу и недоверие к миру, замещая их жаждой признания.

Таким образом, демонстративные буллы, удовлетворившие свою потребность в социальном одобрении и восхищении, реже прибегают к травле как к инструменту получения социального престижа, ведь они, строго говоря, добились того, чего желали.

Второй вывод касается влияния подозрительности на агрессию обидчиков в буллинге. Подозрительный человек живет в постоянном состоянии «осажденной крепости». Он видит угрозу там, где ее может и не быть (феномен враждебной атрибуции). Агрессия для него несет защитную функцию. Он бьет первым, чтобы не ударили его. Кроме того, подозрительность часто тесно связана с экстернальным локусом контроля и склонностью приписывать ответственность за свои неудачи другим. Агрессия в этом контексте становится инструментом восстановления справедливости (часто мнимой) или наказания «виновных» (виновных по мнению самого буллы).

Отметим, что за подозрительностью часто стоит страх и кумулятивная обида. Агрессия становится для булли разрядкой этого внутреннего напряжения. В ситуации буллинга он будет не просто агрессором, а, скорее, «параноидальным тираном», который видит заговор даже в нейтральных действиях своей потенциальной жертвы.

Третий вывод касается прямого влияния демонстративности булли на их агрессию в ситуации травли. Результаты анализа показывают, что сама по себе жажда внимания (демонстративность) не ведет напрямую к агрессии в ситуации буллинга. Это во многом опровергает бытовой стереотип о том, что активный и яркий ребенок является потенциальным булли.

Демонстративность без подозрительности может находить выход в других, просоциальных формах: лидерство, юмор, творчество, организация мероприятий (аналогично экзальтированным жертвам буллинга («Пионерам»), «насиленно» включающим окружающих в активную социальную жизнь). Агрессия возникает только тогда, когда эта яркость резонирует с недоверием и ожиданием угрозы. Или, судя по нашим данным, как в случае с буллинг-структурой, когда демонстративность, наоборот, нивелирует подозрительность и ингибирует собственную агрессию булли.

Таким образом, демонстративность выполняет роль буфера, снижающего базовое недоверие к миру. Человек, который «любит себя показывать», парадоксальным образом оказывается менее склонен к агрессии, потому что он меньше боится мира. Его энергия уходит на самопрезентацию, а не на отражение атак (часто мнимых).

Агрессия в буллинге, согласно полученной нами модели, произрастает не из желания быть в центре внимания, а из фундаментального недоверия и ощущения враждебности окружающей среды. Демонстративность может лишь менять форму этой агрессии (делать ее более театральной), но не является при этом ее корневым предиктором.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: подозрительность выступает значимым медиатором, опосредующим связь между демонстративностью и агрессией у подростков, занимающих позицию обидчиков в буллинг-структуре.

Выявленный механизм позволяет переосмыслить функциональную роль демонстративности, которая в данном контексте выступает не столько фактором риска, сколько личностным ресурсом, ослабляющим базовое недоверие к социальному окружению и выраженность враждебной атрибуции. Агрессия в изученной выборке детерминирована не потребностью во внимании и признании, а переживанием враждебности мира, операционализированным через подозрительность.

Полученные результаты обосновывают подозрительность как ключевую мишень психопрофилактического воздействия: коррекция недоверия к миру и снижение склонности к враждебной атрибуции могут оказаться более эффективными стратегиями предупреждения агрессивного поведения, чем прямое воздействие на демонстративность или иные типологические черты.

Дальнейшая работа предполагает поиск сложных непрямых влияний личностных характеристик на виктимизацию жертв буллинга.

Список литературы

1. Белеева И. Д., Заглодина Т. А., Панкратова Л. Е., Титова Н. Б. Буллинг как социально-психологическое явление: анализ теоретических подходов и эмпирических исследований // Педагогическое образование в России. 2020. № 5. С. 115–123. DOI 10.26170/ro20-05-15.
2. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Буллинг как объект исследований и социальный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 149–159.
3. Волкова Е. Н., Волкова И. В. Социально-психологические и личностные особенности подростков – свидетелей буллинга // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 4. DOI 10.26795/2307-1281-2020-8-4-10.
4. Горбенко И. А., Киселева Т. Б. Отношение к буллингу у обучающихся 7-11 классов в зависимости от нравственной позиции личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13, № 3.
5. Горбенко И. А., Киселева Т. Б., Горенко Е. А., Кокорина К. В. Индивидуально-личностные особенности подростка как фактор включенности в буллинг // Психолого-педагогические проблемы современного образования: пути и способы их решения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 20 апреля 2023 г. Махачкала : [б. и.], 2023. С. 45–51.

6. Гусев А. Н., Сильницкая А. С. Сравнительный анализ влияния демонстративности, гипертимности и дистимности на интонационные параметры речи // Национальный психологический журнал. 2013. № 1(9). С. 110–120. DOI 10.11621/npj.2013.0115.
7. Зобков А. В., Сухарев И. А. Психологические предикторы принятия подростками роли жертвы или обидчика в ситуации школьного буллинга // Перспективы науки и образования. 2025. № 2. С. 477–495. DOI: 10.32744/pse.2025.2.30
8. Леонгард К. Акцентуированные личности / перевод с немецкого. Киев : Высшая школа, 1981. 392 с.
9. Маклаков А. Г. Общая психология. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 583 с.
10. Мельников В. В., Ямпольский Л. Т. Введение в экспериментальную психологию личности. Москва : Просвещение, 1985. 320 с.
11. Молчанова Л. Н., Фомина А. В., Прокофьева А. А. Особенности взаимосвязей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 209–225.
12. Новикова И. С. Буллинг в современной образовательной среде с позиции отечественных исследователей // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8 (100). DOI 10.24158/spp.2022.8.19.
13. Третьякова А. В., Айзман Р. И. Психоэмоциональные особенности подростков в зависимости от роли в структуре буллинга // Сибирский педагогический журнал. 2025. № 1. С. 129–141.
14. Adewoye A. Mediating Effect of Personality Traits in the Relationship Between Bullying Victimization and Psychological Distress Among Adolescents in South Africa // Trends in Psychology. 2025. DOI 10.1007/s43076-025-00454-y.
15. Basharpour S., Noori S., Daneshvar S., Jobson L. Dark Triad Personality Traits and Cyberbullying: The Mediating Role of Emotional Empathy // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2025. Vol. 28, № 3. P. 187–195. DOI 10.1089/cyber.2024.0302.
16. Cohen J., Cohen P., West S. G., Aiken L. S. Applied multiple regression/correlation analysis for the behavioral sciences. 3rd ed. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2003. 736 p.
17. Hayes A. F. Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach. 2nd ed. New York : Guilford Press, 2018. 692 p.
18. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. Malden, MA : Blackwell Publishing, 1993. 140 p.
19. Olweus D. School bullying: Development and some important challenges // Annual Review of Clinical Psychology. 2013. Vol. 9. P. 751–780. DOI 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516.
20. Wickham S., Taylor P., Shevlin M., Bentall R. P. The impact of social deprivation on paranoia, hallucinations, mania and depression: The role of discrimination and social support // Psychosis. 2016. Vol. 8, № 1. P. 17–28. DOI 10.1080/17522439.2015.1054297.

References

1. Beleeva I. D., Zaglodina T. A., Pankratova L. E., Titova N. B. *Bulling kak sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie: analiz teoreticheskikh podkhodov i empiricheskikh issledovaniy* [Bullying as a socio-psychological phenomenon: analysis of theoretical approaches and empirical studies] // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2020. № 5. S. 115–123. DOI 10.26170/po20-05-15. [In Russian]
2. Bochaver A. A., Khlokov K. D. *Bulling kak ob"ekt issledovaniy i sotsial'nyi fenomen* [Bullying as an object of research and a social phenomenon] // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2013. Т. 10, № 3. S. 149–159. [In Russian]
3. Volkova E. N., Volkova I. V. *Sotsial'no-psikhologicheskie i lichnostnye osobennosti podrostkov – svidetelei bullinga* [Socio-psychological and personal characteristics of adolescents –

- witnesses of bullying] // Vestnik Mininskogo universiteta. 2020. T. 8, № 4. DOI 10.26795/2307-1281-2020-8-4-10. [In Russian]
4. Gorbenko I. A., Kiseleva T. B. *Otnoshenie k bullingu u obuchayushchikhsya 7-11 klassov v zavisimosti ot npravstvennoi pozitsii lichnosti* [Attitude to bullying among students in grades 7-11 depending on the moral position of the individual] // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2025. T. 13, № 3. [In Russian]
5. Gorbenko I. A., Kiseleva T. B., Gorenko E. A., Kokorina K. V. *Individual'no-lichnostnye osobennosti podroстка kak faktor vklyuchennosti v bulling* [Individual-personal characteristics of a teenager as a factor of involvement in bullying] // Psikhologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya: puti i sposoby ikh resheniya : sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Makhachkala, 20 aprelya 2023 g. Makhachkala : [b. i.], 2023. S. 45–51. [In Russian]
6. Gusev A. N., Sil'nitskaya A. S. *Sravnitel'nyi analiz vliyaniya demonstrativnosti, gipertimnosti i distimnosti na intonatsionnye parametry rechi* [Comparative analysis of the influence of demonstrativeness, hyperthymia and dysthymia on intonational parameters of speech] // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2013. № 1(9). S. 110–120. DOI 10.11621/npj.2013.0115. [In Russian]
7. Zobkov A. V., Sukharev I. A. *Psikhologicheskie prediktory prinyatiya podrostkami roli zhertvy ili obidchika v situatsii shkol'nogo bullinga* [Psychological predictors of adolescents' acceptance of the role of victim or offender in a school bullying situation] // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2025. № 2. S. 477–495. DOI: 10.32744/pse.2025.2.30. [In Russian]
8. Leongard K. *Aktsentuirovannye lichnosti* [Accented personalities] / perevod s nemetskogo. Kiev : Vysshaya shkola, 1981. 392 s. [In Russian]
9. Maklakov A. G. *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. Sankt-Peterburg : Piter, 2008. 583 s. [In Russian]
10. Mel'nikov V. V., Yampol'skii L. T. *Vvedenie v eksperimental'nyuyu psikhologiyu lichnosti* [Introduction to experimental personality psychology]. Moskva : Prosveshchenie, 1985. 320 s. [In Russian]
11. Molchanova L. N., Fomina A. V., Prokof'eva A. A. *Osobennosti vzaimosvyazei lichnostnykh kachestv i riska bullinga sredi obuchayushchikhsya srednei i vysshei shkoly* [Features of the interrelations of personal qualities and the risk of bullying among secondary and higher school students] // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2020. T. 10, № 3. S. 209–225. [In Russian]
12. Novikova I. S. *Bulling v sovremennoi obrazovatel'noi srede s pozitsii otechestvennykh issledovatelei* [Bullying in the modern educational environment from the perspective of domestic researchers] // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2022. № 8 (100). DOI 10.24158/spp.2022.8.19. [In Russian]
13. Tret'yakova A. V., Aizman R. I. *Psikhoemotsional'nye osobennosti podroستkov v zavisimosti ot roli v strukture bullinga* [Psychoemotional features of adolescents depending on their role in the structure of bullying] // Sibirskii pedagogicheskii zhurnal. 2025. № 1. S. 129–141. [In Russian]
14. Adewoye A. Mediating Effect of Personality Traits in the Relationship Between Bullying Victimization and Psychological Distress Among Adolescents in South Africa // Trends in Psychology. 2025. DOI 10.1007/s43076-025-00454-y.
15. Basharpour S., Noori S., Daneshvar S., Jobson L. Dark Triad Personality Traits and Cyberbullying: The Mediating Role of Emotional Empathy // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2025. Vol. 28, № 3. P. 187–195. DOI 10.1089/cyber.2024.0302.
16. Cohen J., Cohen P., West S. G., Aiken L. S. Applied multiple regression/correlation analysis for the behavioral sciences. 3rd ed. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2003. 736 p.
17. Hayes A. F. Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach. 2nd ed. New York : Guilford Press, 2018. 692 p.

18. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. Malden, MA : Blackwell Publishing, 1993. 140 p.
19. Olweus D. School bullying: Development and some important challenges // Annual Review of Clinical Psychology. 2013. Vol. 9. P. 751–780. DOI 10.1146/annurev-clinpsy-050212-185516.
20. Wickham S., Taylor P., Shevlin M., Bentall R. P. The impact of social deprivation on paranoia, hallucinations, mania and depression: The role of discrimination and social support // Psychosis. 2016. Vol. 8, № 1. P. 17–28. DOI 10.1080/17522439.2015.1054297.

SUSPICIOUSNESS AS A MEDIATOR OF THE RELATIONSHIP BETWEEN DEMONSTRATIVENESS AND AGGRESSION IN BULLYING

I.A. Sukharev

Candidate of Psychological Sciences (PhD in Psychology), Associate Professor of the Department of Developmental and Clinical Psychology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: sukharevivanpsy@gmail.com
ORCID:0000-0003-2991-7149

Abstract. This article is devoted to a study aimed at identifying and analyzing psychological personality traits that mediate the relationship between individual-typological traits and the aggressive behavior of bullies included in bullying structures. The study hypothesis was the existence of specific personality mediators that mediate the relationship between individual-typological predictors and aggression in bullying. The study involved 138 adolescents (students in grades 5–9), identified as bullies based on hierarchical cluster analysis. Statistical processing was performed in jamovi 2.7.18. To test the mediation hypothesis, the bootstrapping confidence interval method for the indirect effect (5000 repeated samples) was used within the framework of the simple mediation model. It was found that demonstrativeness was negatively associated with suspiciousness ($\beta = -0.79$; $p < 0.001$), while suspiciousness positively predicted aggression ($\beta = 0.83$; $p < 0.001$). The indirect effect of demonstrativeness on aggression through suspiciousness was negative and statistically significant ($\beta = -0.66$; $p < 0.001$; 95% CI $[-0.89; -0.43]$). The direct effect of demonstrativeness on aggression became insignificant after including suspiciousness in the model ($\beta = 0.05$; $p = 0.525$). Thus, demonstrativeness can be viewed as a personal resource that weakens hostile attribution and basic distrust of the world. The obtained results deepen our understanding of the structural and dynamic organization of the personality determinants of bullying and can be used in the development of psychopreventive programs aimed at correcting suspiciousness as a target of intervention.

Keywords: bullying, mediation analysis, hostile attribution, personality traits, demonstrativeness.